

Алферова И. В. Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 335—353. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353.

Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2022). Minsk Military District at Initial Stage of First World War. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 335-353. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-335-353

Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны

Алферова Ирина Викторовна
orcid.org/0000-0002-8951-2744
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории
alferovairi@yandex.ru

Блохин Валерий Федорович
orcid.org/0000-0003-0254-6093
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
отечественной истории
blohin.val@yandex.ru

Брянский государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ).
Проект № 22-28-00900

Minsk Military District at Initial Stage of First World War

Irina V. Alferova
orcid.org/0000-0002-8951-2744
Doctor of History, Professor,
Department of National History
alferovairi@yandex.ru

Valery F. Blokhin
orcid.org/0000-0003-0254-6093
Doctor of History, Professor,
Head of the Department
of National History
blohin.val@yandex.ru

Bryansk State University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation (RSF).
Project № 22-28-00900

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об организации Минского военного округа в годы Первой мировой войны. Уделяется внимание интерпретациям условий, в которых происходил процесс формирования этой важной в условиях военного времени структуры. Авторы останавливаются на основных функциях данного территориального образования, связанных с необходимостью подготовки резервов и снабжения действующей армии. В представленной авторской разработке показано, что в чрезвычайной обстановке для реализации этих задач предусматривалось изменение системы гражданского управления с подчинением ее военному руководству округа. Новизна исследования видится в отражении проблемы реконфигурации границ части приграничных военных округов, сказавшейся в том числе и на построении цензурных органов, на их способности в практической деятельности адекватно и оперативно отвечать на запросы сложного военного времени. Доказано, что «подвижность» границ военно-цензурных районов, вызванная изменениями оперативной обстановки, нашла отражение в создании и функционировании необходимой единой окружной цензурной системы, что объясняет и происходившие в границах округа нарушения «Временного положения о военной цензуре». Заявленная проблема исследуется авторами статьи на основе привлечения материалов периодической печати и документов, хранящихся в местных и центральных архивах.

Ключевые слова:

Первая мировая война; Минский военный округ; окружная система; военная цензура; военно-цензурные комиссии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issue of organizing the Minsk Military District during the First World War. Attention is paid to the interpretation of the conditions in which the process of formation of this important structure in wartime conditions took place. The authors dwell on the main functions of this territorial entity related to the need to prepare reserves and supply the army in the field. In the presented study, it is shown that in an emergency, for the implementation of these tasks, it was planned to change the system of civilian administration with its subordination to the military leadership of the district. The novelty of the study is seen in the reflection of the problem of reconfiguring the borders of a part of the border military districts, which affected, among other things, the construction of censorship bodies, their ability in practice to adequately and promptly respond to the demands of difficult wartime. It is proved that the “mobility” of the borders of military censorship regions, caused by changes in the operational situation, was reflected in the creation and functioning of the necessary unified district censorship system, which also explains the violations of the “Provisional Regulations on Military Censorship” that occurred within the borders of the district. The stated problem is investigated by the authors of the article on the basis of materials from periodicals and documents stored in local and central archives.

Key words:

World War I; Minsk military district; district system; military censorship; military censorship commissions.

Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2022

1. Введение = Introduction

Для понимания сложного круговорота событий, вызванных Первой мировой войной, необходимо иметь представление о содержании и смысле связанных с ней процессов во всей их полноте и на всей протяженности военных действий. Война создала массу новых технологий в военной сфере, породила изменения в стратегии и тактике, но одновременно вызвала к жизни массу непредвиденных явлений, в результате которых многие, казалось бы, хорошо просчитанные и обдуманые решения приводили к неспрогнозированным последствиям, зачастую имели диаметрально противоположный эффект в сравнении с запланированным. По прошествии времени при анализе возникавших проблем обнаруживается значительное количество просчетов самого разного порядка, predeterminedенных неверной оценкой ситуации и нерасчетливо принятыми решениями.

По плану войны, составленному российским Генеральным штабом в 1913 году, Юго-Западный фронт должен был нанести поражение австро-венгерским армиям, войска Северо-Западного фронта должны были действовать против немецких группировок. В Российской империи в приграничных районах военные округа были созданы в 1862 году. Их главное назначение определялось необходимостью усовершенствования системы военного управления. В Европейской России были образованы Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский округа. Однако уже в течение первого месяца войны часть приграничной военно-окружной системы была подвергнута изменениям, несмотря на то, что это противоречило статье 638 основополагающего военного документа под названием «Положение о полевом управлении войск в военное время», которая гласила: «Границы военных округов на театре военных действий остаются те же, что и в мирное время» [Положение о полевом управлении в военное время, 1914, с. 86]. Причем «Положение» было утверждено императором только 16 июля 1914 года, то есть всего лишь за два дня до начала мобилизации русской армии.

Предписанная неизменность окружных границ была неслучайной. Она исходила из расчета верховного командования, что возможная война будет вестись исключительно на чужой территории. С другой стороны, присутствовало понимание того, что изменения в структуре военных округов по-

влекут за собой серьезные перемены в местном управлении прифронтовых губерний, что могло неблагоприятно сказаться на действующей армии. Тем не менее с началом войны границы приграничных военных округов оказались «подвижными».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Авторы в своем исследовании исходили из понимания того, что историческая действительность многомерна и противоречива, более всего это касается экстремальных условий, переживаемых обществом и государством, чем, безусловно, явилась Первая мировая война. Исходя из этого, историю военных округов на театре военных действий необходимо изучать в контексте социальных, политических и экономических перемен, происходивших в этот период. Целью статьи является отражение ряда элементов этого многомерного процесса, проявившихся в ходе формирования новой системы управления в условиях начавшейся войны. Задействованные в подготовленной публикации материалы отражают факты и тенденции, характерные для этапа распределения территорий по военным округам, а также организации и начала деятельности военной цензуры в их пределах.

Источниковая база исследования включает официальные документы периода Первой мировой войны, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, среди них документы Главного управления Генерального штаба [РГВИА, ф. 2000], Военно-политического и гражданского управления при Верховном главнокомандующем, г. Могилев [Там же, ф. 2005], Штаба главнокомандующего армиями Западного фронта [Там же, ф. 2048], Штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта [Там же, ф. 2019].

Также были использованы документы Совета министров, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге [РГИА, ф. 1276], ряд важных свидетельств из двух областных архивов: Государственного архива Брянской области [ГАБО, ф. 514] и Государственного архива Орловской области [ГАОО, ф. 883].

О войсковых соединениях и частях, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний, подробно изложены материалы в работах М. М. Смольянинова и А. М. Литвина [Смольянинов, 2014; Литвин, 2014, с. 24—353]. Проблема военно-окружной системы Российской империи посвящено относительно немного исследований, среди которых можно выделить объемную статью полковника И. Трутко, опубликованную в 1939 году — в первый год выхода в свет «Военно-исторического журнала» [Трутко, 1939, с. 92—113]. В ней рассматривается подготовка тыла Юго-Западного фронта, но затрагиваются и проблемы Минского военного округа. Публикация А. Ю. Без-

угольного отражает проблемы взаимодействия военных округов и Военного министерства [Безугольный, 2008, с. 22—26].

С военно-окружной системой была тесно связана функционировавшая в ее рамках военная цензура. Она являлась неотъемлемой частью государственной политики, определяя правила распространения информации о происходившем как на фронте, так и в тылу. Особая роль цензуры определялась прежде всего необходимостью сохранения военной тайны, что предопределяло ее распространение как на сферу средств информации, так и на переписку частных лиц. Параллельно с этим через систему запретов решались задачи сохранения позитивного имиджа армии, мобилизации общественного согласия, формирования консенсуса масс по поводу заведомо непопулярных решений верховной власти и пр. Авторы статьи, работая над историографическим обзором публикаций, посвященных проблемам взаимодействия периодической печати и военной цензуры, пришли к выводу, что, несмотря на расширение тематического и концептуального спектра исследований, присутствует очевидная необходимость объединения усилий представителей разных научных направлений для выполнения исследовательских проектов на стыке истории, журналистики, литературоведения и краеведения при изучении особенностей функционирования периодической печати, ее влияния на общественные настроения и степени воздействия на этот процесс цензурных запретов [Алферова и др., 2022, с. 137]. На фоне успехов в изучении правовой базы военной цензуры [Семенова, 2008; Белобородова, 2010; Асташов, 2012; Богомолов, 2019; Волковский и др., 2019] за малым исключением наблюдаются очевидные пробелы в освещении организационных и территориальных, в том числе и в рамках окружной системы, особенностей практической деятельности военно-цензурных учреждений. Между тем исследование этого политического института является важной составной частью в интерпретации общественных настроений, господствовавших в стране на разных этапах войны.

При анализе исследуемой проблемы главным из общетеоретических подходов выступает принцип историзма, предполагающий познание всех явлений в их становлении и развитии. Для уточнения полученных результатов авторами использовались специальные общ исторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический. Первый метод был задействован в процессе определения соответствующих групп источников для решения конкретных задач. Интерпретировались документы военной цензуры из Российского военно-исторического архива (фонды военно-цензурных отделений фронтов, армий и Минского военного округа). Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил реконструировать историю формирования Минского военного

округа, изменение его задач в зависимости от общественно-политической и экономической ситуации в стране.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Территориальные изменения приграничной военно-окружной системы с началом военных действий в ходе Первой мировой войны

С началом войны пришлось пойти на изменения окружной системы. В рамках Северо-Западного фронта из Виленского и Варшавского округов с 25 июля 1914 года был учрежден Двинский, а с 28 июля того же года — Минский военные округа [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 7].

В состав последнего были включены следующие белорусские территории: целиком Минская и Могилевская губернии, а из Гродненской губернии лишь Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды. Однако в интересах соседнего Юго-Западного фронта уже 31 июля 1914 года, «для обслуживания 4-й и 5-й армий вошли лежащие южнее Александровской железной дороги части Гродненской губернии, Слонимского уезда Минской губернии, Могилевской губернии» [Трутко, 1939, с. 99].

В составе округа присутствовали также территории Царства Польского: Келецкая, Радомская, Петроковская (без Лодзинского, Брезинского и Равского уездов), Люблинская (без Соколовского и Седлецкого уездов) губернии.

Украинские земли представляли Ковельский, Владимиро-Волынский уезды Волынской губернии, а также небольшая Холмская губерния.

С момента объявления мобилизации в состав Минского военного округа вошли «Смоленский, Краснинский и Поречский уезды Смоленской губернии» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 26]. Будущее отступление русской армии и потеря Царства Польского заметно увеличили тыловые районы главным образом за счет русских местностей.

Приказ № 509 от 20 сентября 1915 года по Военному министерству закрепил за Минским военным округом территории Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов Тверской губернии; Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского уездов Московской губернии; Гжатского, Вяземского, Юхновского, Ельнинского, Рославльского, Бельского, Сычевского, Духовщинского и Дорогобужского уездов Смоленской губернии; всех уездов Калужской губернии и Брянского, Карачевского, Трубчевского, Дмитровского и Севского уездов Орловской губернии [Там же, л. 180].

Таким образом, Минский военный округ из-за своего расположения первоначально обеспечивал тыл частично Юго-Западного фронта и полностью Северо-Западного, разделенного 3 августа 1915 года для более качественного управления войсками на Западный (командующий М. В. Алек-

сеев — московское направление) и Северный (во главе с Н. В. Рузским — на петроградском направлении). На его территории располагались обеспечивающие их продовольствием тыловые учреждения, имевшие сложное подчинение, создававшее немалую путаницу в работе.

Работой тыла управляли начальники снабжения фронтами, имевшие в своем подчинении все тыловые органы: от руководства военных округов до всех органов гражданской власти в границах театра военных действий. Сами они были непосредственно подчинены главнокомандующим армиями. Такая довольно замысловатая структура управления плодила бюрократическую переписку, представляющую источниковую ценность для будущих историков Первой мировой войны, но в условиях военных действий гарантировавшую медленную работу тыла.

Бюрократизация всех процессов обеспечения действующей армии была предопределена тем обстоятельством, что начальники снабжения фронтов не имели в своем непосредственном подчинении необходимых для войск складов (артиллерийских, инженерных, продовольственных) и других тыловых учреждений (лазаретов, ветеринарных служб и т. д.), находившихся под управлением начальников военных округов [Трутко, 1939, с. 96]. Более того, склады в условиях боевых действий размещались в глубоком тылу и были зачастую «недоступны» не только для противника, но и для управленческих структур армии.

Так, Минский (до этого Варшавский) интендантский вещевого и продовольственного склады в 1915 году оказались в Брянске. Произведенная ревизия привела к обнаружению крупных растрат, из-за которых застрелился начальник склада, полковник Г. М. Макаровский, а на следующий год начальнику штаба Минского военного округа докладывали о новых злоупотреблениях: «Нижние чины производят хищение муки, сухарей, крупы, сахара, мешков и других разных вещей. <...> Всё похищенное сейчас же через своих жён продают знакомым жителям слободы за довольно низкие цены, и жители, хотя и отзываются о таком поступке неодобрительно, однако остаются довольны тем, что им в руки достаются продукты и вещи по дешевым ценам» [РГВИА, ф. 1915, оп. 4, д. 3, л. 275—275 об.].

Такая неразбериха сказывалась не только на снабжении, но и на административных действиях военных и гражданских властей в этих районах. На основании «Положения о полевом управлении войск» войсковое командование имело право приостанавливать деятельность органов местного самоуправления, смещать должностные лица различного подчинения, закрывать газеты, высылать подозреваемых в нелояльности или в шпионаже за пределы прифронтовых территорий. Предоставлялось также право введения комендантского часа, запрета на вывоз средств, необходимых для снабжения

армии, учреждения чрезвычайных законов, предусматривавших в том числе принудительные работы, реквизиции, особый распорядок работы учреждений и предприятий, выполнявших военные заказы. Однако при этом гражданские власти должны были продолжать осуществлять обширную деятельность, направленную на борьбу с дефицитом и спекуляцией, организовывать лечение раненых, размещение в тылу резервных частей и т. д.

Следует отметить, что устойчиво консервативные принципы, характерные для военного руководства территориями, приносили в различных местах отнюдь не одинаковые результаты, несмотря на стремление военных властей строго придерживаться основополагающих законов и приказов командования, принятых как в отношении фронтовых, так и тыловых действий армии. Более того, на начальном этапе войны возникла определенная растерянность, вызванная территориальными изменениями в составе военных округов.

Так, из канцелярии Военного министерства 31 июля 1914 года начальнику Генерального штаба было направлено срочное письмо, в котором содержался вопрос о существовании Минского округа. Генеральному штабу предлагалось установить связь с Министерством финансов, у которого не было никаких на этот счет сведений для решения вопросов материального обеспечения военных потребностей на местах. Ответ с указанием дат создания округов последовал только 7 августа 1914 года [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 34].

Обер-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего отвечал в 20-х числах октября 1914 года на запрос начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба, что, по полученным в штабе сведениям, относящимся, правда, к 15 сентября 1914 года, Могилёвская губерния входила в район Минского военного округа [Там же]. Таким образом, даже внутри различных структур российской армии вплоть до конца октября 1914 года существовали определенные неясности относительно границ округов.

Перераспределение территорий между Минским и Двинским военными округами создавало дополнительные заметные трудности психологического порядка, поскольку в относительно однородных районах страны из-за военной необходимости в состав различных округов входили только отдельные уезды, не имевшие в обычной жизни жестких границ. В результате местное население, не будучи ознакомлено с распределением территорий между фронтами и округами, не могло разобраться в сфере влияния каждого из них или пыталось уклониться от действия обязательных постановлений.

Характерной особенностью ситуации выступало то, что чрезвычайные законы в виде обязательных постановлений применялись к конкретной

территории, входившей в сферу действия только данного военного округа. Нередкими были ситуации, при которых пределы одной губернии имели совершенно разные условия жизнедеятельности. Так, в состав Минского военного округа входили пять из двенадцати уездов Орловской губернии, на которые распространялось положение прифронтовых районов.

3.2. Особенности действия обязательных постановлений

Не только обыватели не знали, но и армейское начальство некоторое время находилось в неведении относительно произошедших изменений. Так, 31 мая 1915 года для жителей Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской и Псковской губерний, входивших в состав Двинского военного округа, было издано обязательное постановление, предусматривавшее в целях борьбы против шпионажа запрет иметь почтовых и всяких других пород голубей, обученных доставке донесения из одного пункта в другой. Согласно постановлению, в течение 7 дней птиц необходимо было сдать под расписки в местные полицейские управления. В обмен за голубей, взятых по реквизиции, должны быть выданы квитанции на получение денег. Неисполнение обязательного постановления должно было повлечь за собой штраф в размере 3 тысяч рублей или тюремное заключение на срок 3 месяца [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1851, л. 38].

Спустя почти месяц после принятия этого постановления, 29 июня 1915 года, начальнику Минского военного округа было направлено письмо, подписанное начальником штаба верховного главнокомандующего, генералом от инфантерии Н. Н. Янушкевичем. В нем предлагалось осуществить аналогичные меры на территории округа. Однако 7 июля 1915 года в ответном письме начальник Минского военного округа сообщил, что для пресечения возможности пользоваться почтовыми голубями ещё 4 ноября 1914 года было издано обязательное постановление об их конфискации и содержании в закрытых помещениях голубей прочих пород [Там же, л. 42]. Таким образом, запрет на отдельных из близлежащих территорий уже существовал в течение почти 7 месяцев, о чем не были осведомлены в штабе верховного главнокомандующего.

Начальник Минского военного округа был озабочен не только сохранением условий секретности, но в еще большей степени проблемами продовольственного снабжения армии. Так, обязательным постановлением был воспрещен вывоз из пределов Минского округа «картофеля, капусты свежей и квашеной, свеклы, моркови, лука и чеснока» [Местная жизнь. Обязательное постановление ..., 1916, № 235, 3 ноября]. Централизованное обеспечение хлебом снимало проблему обеспечения этим главным для армии продуктом, но овощи должны были поставлять близлежащие к фронту территории: «Всё без изъятия население округа, имеющее запа-

сы овощей более нижеуказанных норм, должно в недельный срок по объявлении настоящего постановления заявить об имеющихся количествах картофеля, капусты, бураков, лука, чеснока и моркови» [Приказ генерал-адъютанта Эверта, 1916].

Население обязано было в письменном виде сообщать в городские управы, в волостные правления и в уездные земские управы о своих запасах, помимо норм, определенных для необходимого питания людей и скота: «Для одного едока в год картофеля 18 пудов, прочих овощей 60 золотников в день. Детям до 5 лет включительно — половина. На обсеменение полей на одну казенную десятину картофеля 120 пудов. На содержание свиней 15 пудов картофеля в год. Выяснение количества овощей необходимо для заготовки их для нужд армии и вообще военного ведомства в Минском округе. Закупка овощей будет производиться по установленной на них таксе, причём при отказе от продажи по таксе овощи будут реквизироваться» [Там же].

К осени 1916 года ассортимент продовольствия был значительно расширен, и в соответствии с обязательным постановлением все торговцы, а также частные банки, элеваторы, склады, имевшие продукты на хранении или в залоге, обязаны были ежемесячно 1-го и 15-го числа сообщать полиции о количестве как проданных, так и оставшихся у них продуктов [Местная жизнь. Обязательное постановление ..., 1916, № 236, 4 ноября].

Жители, особенно в сельской местности, перешедшей из Московского в состав Минского военного округа, чаще всего не разбирались в точном распределении местности между фронтами и округами, считали несправедливыми такого рода требования, выдвигаемые военными властями, и пытались нарушить условные границы. В целом же присоединение территорий к прифронтовому Минскому военному округу положило конец относительно спокойному их существованию, длившемуся более года с начала войны. Новые реалии неожиданно приблизившейся войны обусловили и новые обстоятельства повседневной жизни.

Так, в январе 1916 года исполнявший обязанности начальника жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах сообщал в Петроград о настроениях среди крестьян Акулической, Лутенской и других волостей Брянского уезда, вошедших в состав Минского военного округа: «Что же это — у другого из нас два-три сына на войне, а теперь и отца берут рыть окопы силой — бросай, значит, всё свое хозяйство, малых внуков, разоряйся, а иди, по принуждению, целую тысячу требует от нашего уезда» [ГАОО, ф. 883, оп. 1, д. 790, л. 352—352 об.]. В докладе содержалась и конкретная рекомендация по поводу разрешения сложившейся ситуации. Предлагалось учреждение волостных или участковых комиссий под

председательством земских начальников с участием выборных от сельских обществ для разбора претензий крестьян [Там же, л. 352 об.].

Гражданские и военные власти, а также население прифронтовых территорий зачастую оказывались в весьма сложном положении из-за проблемы соответствия обязательных постановлений существовавшим на тот момент общегосударственным законам. Из штаба верховного главнокомандующего разъяснения на этот счет в адрес начальника Минского военного округа были направлены специальной телеграммой 24 декабря 1916 года. Однако это произошло спустя два года с момента начала осуществления практики введения обязательных постановлений и, на наш взгляд, не дало убедительных ответов на накопившиеся вопросы: «Хотя закон и административные распоряжения в виде обязательных постановлений и не могут находиться в коллизии, но в данном случае сохранение указанных постановлений при наличии закона возможно при условии отсутствия противоречий в самом содержании» [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 57]. Если разница заключалась только в размере наказаний, от военных властей зависело, чему отдать предпочтение: ускорению в административном порядке наложения взыскания или суровости самого наказания в судебном порядке, так как, по-видимому, законом были установлены высшие карательные нормы.

Например, в разное время издавались обязательные постановления, которые предусматривали наказание за спекуляцию или повышение владельцами квартир цен на жилые помещения, а также принятие мер против торговцев и промышленников за рост стоимости предметов первой необходимости и искусственное создание дефицита. В Минском военном округе постановление было введено в действие 4 мая 1915 года [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 56]. Позже, 8 сентября 1916 года, на основании 87 статьи Основных государственных законов [РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 116, л. 104—107] был принят общегосударственный закон, в общем уголовном порядке определявший наказание за такого рода деяния. Однако и после этого обязательные постановления могли продолжать действовать в этом конкретном направлении, поскольку «в некоторых эвакуированных местностях нет судов» [РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 78, л. 56].

Иными словами, судебное рассмотрение в условиях приближенности линии фронта было по таким делам слишком усложненным, и гораздо удобнее было пользоваться обязательными постановлениями, не нарушая при этом сущность основного закона. По заявлению минского гражданского губернатора, до решения вопроса в пользу сохранения обязательного постановления накопилось несколько тысяч протоколов по этому поводу, поскольку судебные учреждения к тому моменту из Минска были эвакуированы [Там же, л. 67 об.]. Разница заключалась, как уже отмечалось, толь-

ко в размерах выносимых наказаний с учетом того, что общероссийский закон предусматривал высший их размер.

В рамках небольшой статьи не представляется возможным рассмотреть все особенности взаимодействия военных и гражданских властей в масштабах даже одного военного округа. Чего стоит только проблема беженства, которая во многом была вызвана таким плохим взаимодействием и привела к трагическим последствиям, которые отразились на жизни десятков миллионов людей — как вынужденных покинуть постоянные места проживания, так и оказавшихся в условиях неожиданного появления огромных масс переселенцев.

3.3. Особенности создания и функционирования единой окружной цензурной системы

Критике недостатков и ошибок, характерных для окружной системы Российской империи периода Первой мировой войны, посвятил свою статью «Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.)» полковник И. Трутко в октябрьском номере 1939 года «Военно-исторического журнала».

Автор публикации, появившейся перед самым началом Советско-финляндской войны, сосредоточил свое внимание на анализе ошибок, характерных для окружной системы Российской империи, отметив, что «организация аппарата управления тылом фронта была излишне громоздкой и не обеспечивала мобильность в работе тыла. Это сказалось прежде всего в запоздалой и неполной отдаче всех основных распоряжений по организации тыла для первых операций и в отсутствии чёткого управления тылом в ходе операций» [Трутко, 1939, с. 112].

И. Трутко подробно рассмотрел систему тылового управления, но при этом обошел своим вниманием еще одно важное направление деятельности штабов фронтов, армий и округов, потребовавшее немало организационных усилий. Понятие «военные интересы государства» предусматривало необходимость использования разнообразных возможностей для контроля за самыми различными сферами общественной жизни, и военная цензура в виде исключительной меры, применяемой в ходе войны, должна была не допускать «оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов, сведений, могущих повредить военным интересам государства» [Собрание узаконений ..., ст. 2057].

Введение в ходе военных действий контроля за осуществляемой перепиской являлось мерой непопулярной, и военнотруженики старались ее разными способами обойти, хотя для большинства находившихся на фронте описание происходившего с ними являлось основной событийной информации и нарушения были зачастую неизбежны.

Приведем пример из писем, относящихся к августу 1914 года и сохранившихся в Брянском государственном архиве. Автор письма с фронта, обращаясь к жене, 3 августа 1914 года предупреждал: «Ещё, Саша, смотрите не пишите ничего такого. Нам запрещают писать насчет войск, где они расположены и в каком виде. Только можно домашние разговоры ...» [ГАБО, ф. 514, оп. 1, д. 1, л. 114—114 об.] Автор письма, несмотря на свое собственное предостережение, в следующем сообщении, датированном 9 августа того же года, сообщил следующие подробности военных действий: «Мы прошли более 200 вёрст походом и перешли Германскую границу 7 числа на 20 вёрст. И взяли один город германский (*следует название городка*. — И. А., В. Б.) и будем ещё наступать на один город, на самый большой, где у них крепость, которая в 22-х верстах, [...] нам приказано выбить [врага] из крепости. [...] 8-го августа была перестрелка с германцем Каширского полка. [Есть] потери: 5 человек убиты, 3-е ранены. [...] Начали город блиндировать из пушек, тогда земля тряслась за пять вёрст, а мы шли, попирая артиллерию. Когда пришли в город, там уже никого нет. Уже все вышли из города, и [мы] жгли сами город. Город очень большой, как Орёл сравнительно» [Там же, л. 105—105 об.].

Эти письма, как и большинство других, не попали в руки противника, не несли в себе слишком важную информацию, но они ярко демонстрируют пренебрежение запретами. Между тем обязательное постановление командующего Западным фронтом запрещало сообщать и собирать сведения о месте расположения, о вооружении, о передвижениях войск, передавать содержание услышанных частных разговоров на эту тему и предусматривало наказание в виде «заключения в тюрьме или крепости на срок не свыше 3 месяцев или денежного взыскания не свыше 3000 рублей и высылки из пределов района Западного фронта» [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 896, л. 170—170 об.].

На основании статьи 14 «Временного положения о военной цензуре», она находилась в ведении штабов главнокомандующих фронтами, командующих армиями и начальников военных округов, причём статья 29 того же Положения наделяла штабы фронтов правами Главной военно-цензурной комиссии, а штабы армий и округов — местной [Там же, д. 1354, л. 35]. В штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, находившемся в Белостоке при Управлении генерал-квартирмейстера, также было сформировано военно-цензурное отделение, в котором концентрировалась вся переписка по делам военной цензуры и готовились официальные сведения о ходе военных действий [Там же, л. 35 об.]. Затем, в 1915 году, все эти функции перешли к штабу созданного Западного фронта.

При штабах 1-й и 2-й армий, входивших в состав Северо-Западного фронта, были созданы местные военно-цензурные комиссии. За штабами

Двинского и Минского военных округов были закреплены корпусные полевые почтово-телеграфные конторы, наблюдавшие за входящей и исходящей корреспонденцией и переправлявшие ее после проверки в тыловые сортировочные пункты Минска.

В штабе созданного уже в ходе войны Минского военного округа военно-цензурная комиссия была сформирована только 13 августа 1914 года на основании приказа № 34 [РГВИА, ф. 2019, оп. 1, д. 716, л. 37]. С этого момента начался довольно сложный, происходивший в ускоренном порядке, но все же заметно задержавшийся процесс формирования войсковой цензуры. Помимо проверки писем и телеграмм, во всех окружных территориях, находившихся на военном положении, предусматривалось «введение военной цензуры в полном объеме» [Там же, д. 715, л. 1] с обязательным наблюдением за содержанием печатных изданий, изобразительной продукции и фотографий, устными выступлениями.

Вполне, казалось бы, продуманная система подчинения и управления уже в скором времени после начала военных действий продемонстрировала серьезные изъяны, отразившиеся, в частности, и на отношениях власти с периодической печатью. В условиях позиционной войны и перехода к оборонительной тактике, с ухудшением экономической ситуации наметилось очевидно нараставшее раздражение политикой властей в российском обществе, развивались упадочнические настроения. По мнению определенных кругов населения, нашедшему отражение на страницах периодической печати, правительство не смогло в полной мере использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы, что и привело к нежелательным последствиям на фронте.

Тогда же выяснилось, что время, необходимое для создания «твердо направляемой, в соответствии с общегосударственными и военными целями», периодической печати, выступающей во время войны в качестве яркого выразителя «духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы» [Потапов, 1926, с. 9], безвозвратно упущено.

Обработка новостей и освещение их в периодических изданиях — особая, высокопрофессиональная отрасль информационно-коммуникационной сферы периода войны. Поскольку в России специальная подготовка журналистов в тот период не осуществлялась, требовались годы практической работы и основательной выучки для формирования эффективных газетных редакций, проблема создаваемой военной цензуры заключалась в том, что для контроля за распространением новостей привлекались военные и гражданские чиновники без достаточного журналистского опыта.

В пределах Западного фронта обязанности военных цензоров произведений печати выполняли лица, представлявшие самые разные должности

военных и гражданских учреждений. В Минске — вице-губернатор, секретарь председателя окружного суда и полковник корпуса жандармов, подпоручик Варшавского полка и правитель канцелярии губернатора; в Бобруйске — полицмейстер, начальник отделения по квартирному довольствию войск; в Мозыре — начальник Мозырского жандармского управления; в Смоленске — делопроизводитель губернского правления и советник губернского правления; в Могилеве — вице-губернатор; в Гомеле — полицмейстер; в Орше — уездный исправник, в посаде Клинцы — пристав [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1354, л. 11—12]. Кандидатуры военных цензоров в обязательном порядке согласовывались штабом округа с губернаторами, начальниками почтово-телеграфных округов или начальниками гарнизонов. «Все распоряжения штаба округа и военно-цензурной комиссии передавались через этих начальствующих лиц или непосредственно сообщались самим военным цензорам» [Приказание Минским военно-окружным управлениям ..., 1914, № 158].

Не удалось избежать и организационных проблем, связанных с изменением границ военно-цензурных районов, которые без специальных распоряжений вынуждены были откликаться на изменения оперативной обстановки. Результатом явились проблемы с созданием и функционированием единой окружной цензурной системы. Вероятно, этим объясняется допущенное нарушение «Временного положения о военной цензуре».

Так, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Западного фронта обратился 12 декабря 1916 года к начальнику штаба Минского военного округа за разъяснениями: «... по имеющимся в штабе фронта сведениям при штабе Минского военного округа на театре военных действий в первой половине августа месяца 1914 г. была образована Минская местная военная цензурная комиссия» [РГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 1354, л. 35—35 об.]. Проблема заключалась в том, что при штабе на тот момент уже существовало военно-цензурное отделение и возник вопрос: «Кто осуществляет функции, указанные статьей 27 Временного положения о военной цензуре — штаб округа или комиссия» [Там же, л. 36].

Примечательно, что вопросы к начальнику округа появились более двух лет спустя после возникновения этой ситуации. Тогда же был возбуждён вопрос об упразднении комиссии как учреждения, лишнего при существовании отделений в штабе [Там же, л. 31]. Главнокомандующий Западным фронтом 15 января 1917 года признал необходимым расформировать состоявшую при штабе Минского военного округа Минскую местную военно-цензурную комиссию [Там же, л. 43], сохранив только существовавшее параллельно военно-цензурное отделение. В докладе было сказано следующее: «При таких условиях нельзя не признать, что роль

Минской местной военно-цензурной комиссии в деле цензуры в округе незначительна и комиссия эта, в сущности, является ныне лишней передаточной инстанцией между штабом округа, получающим из штаба фронта все руководящие указания, и военными цензорами» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, специальное окружное административное деление влекло за собой новые условия управления территориями бывших губерний и уездов, а также новый статус для населения этих мест. При этом традиционные методы управления, устоявшиеся бюрократические практики неминуемо сталкивались с преимущественно консервативными принципами регулирования отношений, характерных для практической деятельности в условиях армейского подчинения.

Границы тыловых районов были нарезаны во многих случаях без обязательной привязки к границам губерний. В итоге внутри одной губернии действовала власть двух армейских или даже двух фронтовых управлений, что приводило к серьезным затруднениям в системе управления. Результатом явилось «шаблонное использование всех вспомогательных и обслуживающих войск, развертываемых этими округами; оно исключало возможности маневра запасами, тыловыми войсками и даже железными дорогами и замедляло управление тылом, что приводило к отставанию работы тыла от обстановки на фронте» [Трутко, 1939, с. 112].

Организация в Минском военном округе военной цензуры предопределила весьма ограниченные практические возможности военных властей в деле контроля за перепиской на фронте. Сложная, с повторяющимися функциями организационная система при недостаточной профессиональной кадровой подготовке затрудняла решение поставленных перед военной цензурой задач. Последствия, о которых не было сказано в самом материале статьи, но вытекающие из логики созданных условий, предопределили доминирование различных слухов, которые успешно конкурировали с официальными сведениями, поступавшими с фронта.

Источники и принятые сокращения

1. ГАБО — *Государственный архив* Брянской области. Ф. 514 (Брянское уездное попечительство). Оп. 1. Д. 1. Л. 114—114 об.
2. ГАОО — *Государственный архив* Орловской области. Ф. 883 (Орловское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 790. Л. 352—352 об.
3. *Местная жизнь*. Обязательное постановление // Орловский вестник. — 1916. — № 235. — 3 ноября; № 236. — 4 ноября.
4. *Положение о полевом управлении в военное время*. — Санкт-Петербург: Воен. тип., 1914. — 154 с.

5. *Приказ* генерал-адъютанта Эверта // Орловский вестник. — 1916. — № 232. — 30 октября.

6. *Приказание* Минским военно-окружным управлениям на театре войны № 158. — Минск, 1914.

7. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 1851. Л. 7, 26, 34, 38, 42, 180 ; Ф. 1915 Оп. 4. Д. 3. Л. 275—275 об. ; Ф. 2005 (Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем, г. Могилев). Оп. 1. Д. 78. Л. 56, 57, 67 об. ; Ф. 2019 (Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта). Оп. 1. Д. 715. Л. 1 ; Д. 716. Л. 37 ; Ф. 2048 (Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта). Оп. 1. Д. 896. Л. 170—170 об. ; Д. 1354. Л. 11—12, 31, 35, 36, 43.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 20. Д. 116. Л. 104—107.

9. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. № 192. 20.07.1914 г. Ст. 2057. Временное положение о военной цензуре. Гл. I. Ст. 1.

Литература

1. *Алферова И. В.* Историографический аспект общественно-политических настроений и практик периода Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // *Вопросы истории*. — 2022. — № 5 (2). — С. 129—139. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Staty146.

2. *Асташов А. Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / А. Б. Асташов. — Москва : Спецкнига, 2012. — 400 с. — ISBN 978-5-91891-230-0.

3. *Безугольный А. Ю.* Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года / А. Ю. Безугольный // *Военно-исторический журнал*. — 2008. — № 10. — С. 22—26.

4. *Белобородова А. А.* Защита государственной тайны в Российской империи : Деятельность военной цензуры в 1914—1917 гг. / А. А. Белобородова // *Военно-исторический журнал*. — 2010. — № 7. — С. 16—20.

5. *Блохин В. Ф.* Преданье административной старины : «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века — 1917 год) / В. Ф. Блохин, И. В. Алферова // *Новый исторический вестник*. — 1916. — № 49. — С. 32—48.

6. *Богомолов И. К.* Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны / И. К. Богомолов // *Цензура в России : история и современность. Сборник научных трудов* / И. К. Богомолов. — Санкт-Петербург : Российская нац. б-ка, 2019. — С. 178—196.

7. *Волковский Н. Л.* Первая мировая война 1914—1918 гг. : инструменты контроля и управления информацией в России / Н. Л. Волковский, П. П. Лаврук // *Цензура в России : история и современность. Сборник научных трудов*. — Санкт-Петербург : Полигон, 2019. — С. 152—177.

8. *Литвин А. М.* Беларусь в годы первой мировой войны : опыт участия и последствия / А. М. Литвин // *Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сборник материалов Международной научной конференции, г. Вилейка, 18 октября 2014 г.* — Минск : Изд. центр БГУ, 2014. — С. 24—35.

9. *Потапов Н. М.* Печать и война / Н. М. Потапов. — Москва ; Ленинград : Госвоениздат, 1926. — 82 с.

10. *Семенова Е. Ю.* Периодическая печать и цензура / Е. Ю. Семенова // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. — 2008. — Т. 10. — № 1. — С. 71—85.

11. Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914—1918 гг. / М. М. Смольянинов. — Минск : Беларусь ; Навука, 2014. — 317 с. — ISBN 978-985-08-2345-8.
12. Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) / И. Трутко // Военно-исторический журнал. — 1939. — № 3. — С. 92—113.

Material resources

- An order to the Minsk military district administrations in the theater of war, 158.* (1914). Minsk. (In Russ.).
- Collection of laws and orders of the government. Department I, 192. 20.07.1914, st. 2057. Temporary provision on military censorship. Chapter I. Article 1.* (In Russ.).
- Local life. Mandatory resolution. (1916). *Orel Bulletin*, 235. November 3; 236. November 4. (In Russ.).
- Regulations on field administration in wartime.* (1914). St. Petersburg: Military type. 154 p. (In Russ.).
- Russian State Historical Archive. F. 1276 (Council of Ministers).* (In Russ.).
- Russian State Military Historical Archive. F. 2000 (Main Directorate of the General Staff); F. 1915; F. 2005 (Military-political and civil Administration under the Supreme Commander, Mogilev); F. 2019 (Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the North-Western Front); F. 2048 (Headquarters of the Commander-in-Chief of the armies of the Western Front).* (In Russ.).
- State Archive of the Bryansk region. F. 514 (Bryansk county trusteeship).* (In Russ.).
- State Archive of the Orel region. F. 883 (Orel provincial gendarmerie department).* (In Russ.).
- The order of Adjutant General Evert. (1916). *Orel Bulletin*, 232: October 30. (In Russ.).

References

- Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2022). Historiographical aspect of socio-political attitudes and practices of the period of the First World War. *Questions of history*, 5 (2): 129—139. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi46. (In Russ.).
- Astashov, A. B. (2012). *Propaganda on the Russian front during the First World War.* Moscow: Special Book. 400 p. ISBN 978-5-91891-230-0. (In Russ.).
- Beloborodova, A. A. (2010). Protection of state secrets in the Russian Empire: The activities of military censorship in 1914—1917. *Military-historical journal*, 7: 16—20. (In Russ.).
- Bezugolny, A. Yu. (2008). Military district system in Russia during the First World War and the revolutionary events of 1917. *Military-Historical Journal*, 10: 22—26. (In Russ.).
- Blokhin, V. F., Alferova, I. V. (1916). The tradition of administrative antiquity: “white spots” on the pages of Russian newspapers (the second half of the XIX century — 1917). *New Historical Bulletin*, 49: 32—48. (In Russ.).
- Bogomolov, I. K. (2017). Censorship of the press in Moscow during the First World War. In: *Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers.* St. Petersburg: Russian National Library. b-ka. 178—196. (In Russ.).
- Litvin, A. M. (2014). Belarus during the First World War: experience of participation and consequences. In: *The First World War in the historical destinies of Europe: a collection of materials of the International Scientific Conference, Vileika, October 18, 2014.* Minsk: Publishing Center of BSU. 24—35. (In Russ.).

- Potapov, N. M. (1926). *Print and war*. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat. 82 p. (In Russ.).
- Semenova, E. Y. (2008). Periodical press and censorship. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 10 (1): 71—85. (In Russ.).
- Smolyaninov, M. M. (2014). *Belarus in the First World War of 1914—1918*. Minsk: Belarus; Navuka. 317 p. ISBN 978-985-08-2345-8. (In Russ.).
- Trutko, I. (1939). Preparation of the rear of the South-Western Front (1914). *Military-historical journal*, 3: 92—113. (In Russ.).
- Volkovsky, N. L., Lavruk, P. P. (2019). The First World War of 1914—1918: instruments of control and management of information in Russia. In: *Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers*. St. Petersburg: Polygon. 152—177. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 03.08.2022,
подготовлена к публикации 24.09.2022.*